

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
NEW ADULT. МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ

Макс Далин
УБИТЬ НЕКРОМАНТА
КОРОНА, ОГОНЬ
И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Екатерина Звонцова
СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Ава Райд
ВОЛЧИЦА И ОХОТНИК

Дана Арнаутова
ГОД НЕКРОМАНТА.
ВОРОН И ВЕТВЬ

А. Л. Легат
ВОСНИЯ. ВО ИМЯ ТВОЁ

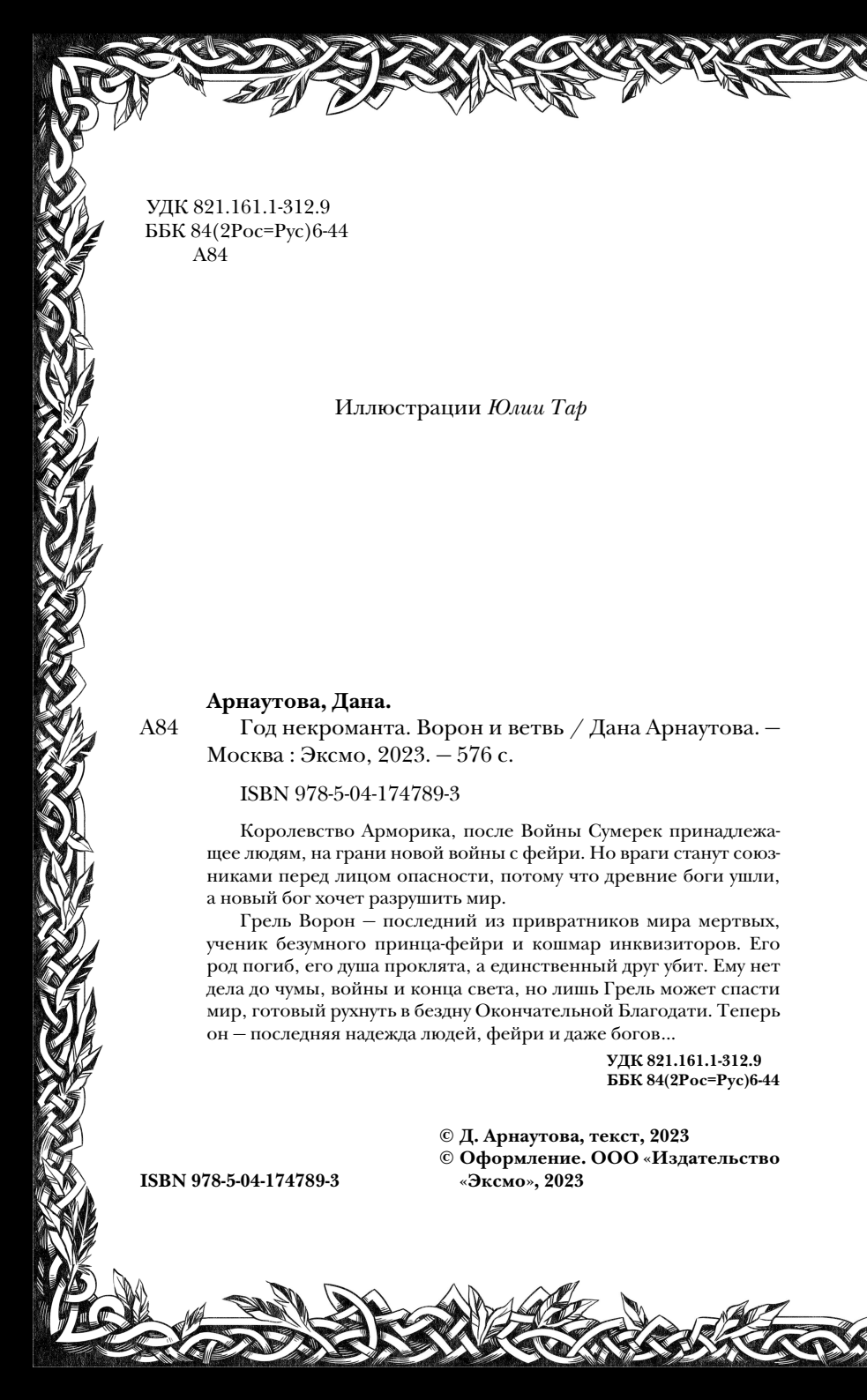
ДАНА АРНАУТОВА

Год
НЕКРОМАНТА

Ворон
и Ветвь

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А84

Иллюстрации *Юлии Тар*

Арнаутова, Дана.
А84   Год некроманта. Ворон и ветвь / Дана Арнаутова. –
Москва : Эксмо, 2023. – 576 с.

ISBN 978-5-04-174789-3

Королевство Арморика, после Войны Сумерек принадлежашее людям, на грани новой войны с фейри. Но враги станут союзниками перед лицом опасности, потому что древние боги ушли, а новый бог хочет разрушить мир.

Грель Ворон – последний из привратников мира мертвых, ученик безумного принца-фейри и кошмар инквизиторов. Его род погиб, его душа проклята, а единственный друг убит. Ему нет дела до чумы, войны и конца света, но лишь Грель может спасти мир, готовый рухнуть в бездну Окончательной Благодати. Теперь он – последняя надежда людей, фейри и даже богов...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174789-3

© Д. Арнаутова, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Пролог КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

*Королевство Арморика, город Кё
14-й день децимуса, год 1218-й
от Пришествия Света Истинного*

Нас ждали. Не зря мне с самого начала не нравилась эта затея. И, конечно, я опоздал. Золотое сияние портала тугой спиралью развернулось на площади, среди полусгнивших трупов и костей. Ничего неожиданного, ничего странного, ничего опасного... И Ури рванулся из портала первым, торопясь к долгожданной цели. Выскочил на мощенную каменными плитами площадь, едва не поскользнувшись второпях, обернулся, сверкая белозубой восторженной улыбкой, сделал шаг вперед, позволяя выйти мне...

Арбалетный болт с влажным хрустом входит ему в грудь. Второй пробивает висок. Непоправимость происходящего пережимает горло. И все, что я успеваю, — подхватить хрупкое тело, что медленно падает вниз, прямо мне под ноги. Прижимаю к груди, прикрываясь от возможного выстрела. Прости, мальчик! Тебе уже все равно. А мертвый, я ничего не сделаю.

— Один готов! — пронзает тишину ликующий женский вопль.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Голос срывается от щенячьего восторга. Сучка...

— Нита, молчать! Ставь защиту!

Я трачу драгоценные мгновения, чтобы бережно опустить тело на мостовую. Падаю следом. Перекатываюсь, уходя в тень стены. Они хороши... Болт свистит у виска. Священное серебро обдает жаром. Второй — тоже мимо. Следом приходит волна чужой магии, что Они почему-то зовут верой. Но расстояние немалое, а город так пропитан смертью, что Их сила вязнет и рассеивается впустую.

Теперь моя очередь! Плохая была мысль: играть с некромантом на площади, полной трупов. Нюхаю воздух, пробую на вкус. Ужас, безумие, боль... Эманации смерти так густы, что у меня зубы ломит. Закрываю глаза и почти сразу открываю их снова, по ту сторону Врат, где нет ни ночи, ни дня. Вся площадь во тьме, но три серебряных пятна я различу, даже если глаза мне выжгут. Кожей почую, костями... Два послабее: заемная сила, готовые амулеты. Зато третье — яркое, силуэт умудряется рассеять мрак далеко вокруг себя. Это здесь-то! В Колыбели Чумы! Никак паладин пожаловал? Когда-то я был бы польщен. И даже сейчас бы с радостью позабавился поединком. Если бы не Ури.

Пальцы четко и быстро делают свою работу, чем бы ни была занята голова. Сначала щит. Самый прочный — я знаю мощь паладина. Сеть на всю площадь! Виски сначала ломит от напряжения, потом пронзает раскаленной иглой. Пусть! Бредень быстро приносит улов: дюжины две серых огоньков. Эти при жизни были посильнее, потому и не успели рассеяться до конца. Тугие потоки силы черными змеями струятся с пальцев, ползут по площади, находя цели. Две дюжины целей...

Я старательно обхожу тусклое сияние над телом Ури. Торопливо полосую запястье, чтобы начертить знаки влас-

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

ти прямо на камнях. Отползаю от рисунка. А потом шепчу заклинание, прижимаясь к стене, пока жгучий поток света рвется в мою сторону. Низкий голос гремит над площадью, выпевая слова молитвы. Где-то наверху ему тревожно отзываются колокола собора. Кожа горит, волосы встают дыбом и трещат, но щит пока держится. Хорошо, что сижу, — ни за что не удержался бы на ногах. И хорошо, что, пока паладин поливает меня магией, остальные не рискнут приблизиться. А ну как эманации святоши обнаружат в душах соратников грех? Свет такого накала жжет не хуже кислоты. Или очистительных костров Инквизиториума...

Да когда же ты иссякнешь, сволочь? Из ноздрей теплыми противными струйками течет кровь. Когда-то у меня была привычка от боли закусывать нижнюю губу. Но обучение некроманта — такая вещь, что никаких губ не напасешься... Я терплю, терплю, терплю... Терплю до тех пор, пока смертельное сияние не тускнеет — даже паладину надо перевести дух. И, поймав мгновение, отпускаю две дюжины туго натянутых нитей, что держал все это время!

— Тварь! Мразь нечистая!

Ну, просто музыка для слуха... Усмехаюсь окровавленными губами, наблюдая, как поднимаются — чуть неуклюже, но с каждым мгновением все увереннее — мои орудия. Ковыляют, протягивая оголившиеся кости рук, оставляя ошметки слизи и гнилого мяса. Настойчивые, неотвратимые, как сама смерть...

И, разумеется, у арбалетчицы не выдерживают нервы. Вряд ли церковные псы показывали своей сучке, натаскивая на охоту, как выглядит атака толпы умертвий. Может, одного-двух... Истошно визжа, она срывается с места. Второй — теперь я их вижу обычным зрением — догоняет, схватив, прижимает к стене...

— Нита, стой! Стой, тебе говорят! Они тебя не тронут!

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Тут он прав, как ни жаль. Амулеты защитят от прямого прикосновения тлеющей плоти. Но на площади достаточно палок... И камней... Да и оружие у некоторых мертвецов имеется. Рыдающая девка вжимается в стену за спиной крепкого мужика, тот умело отбивается глефой. Умертвия кружат вокруг, падают, когда удачный замах отрубает голову, но их слишком много. Вот и славно! Хорошо, когда все при деле...

Наверное, паладин со мной согласен. Не пытаюсь помочь соратникам, он выпрямляется и идет ко мне, широкими тяжелыми шагами пересекая площадь. Легкие латы, белый плащ с аллой стрелой в круге, горящий верой и ненавистью взгляд. Сияние от него такое, что глазам больно, голос громыкает, и его молитва рвет попавшегося на пути мертвяка в клочья. Криво улыбаясь, я встаю на ноги, глядя, как он приближается. Много чести — шагать навстречу.

— Изыди, исчадие!

— Проклятого, — любезно подсказываю я. — Ты забыл добавить.

Больше не успеваю сказать ничего. Пробужденный амулет вспыхивает маленьким солнышком. Щит выдерживает, но меня сбивает с ног и впечатывает спиной в стену. А стоял бы от нее дальше — и летел бы дольше. Бесплезный амулет падает в сторону, церковник выхватывает еще один.

— Некромант Грель Ворон! Благодатью...

Договорить он не успевает. Я поднимаю левую руку, плотно прижимаясь к стене, вливая в нее всем телом. Небеса небесами, но надо же и под ноги смотреть. Он ступает на капли уже подсохшей крови, прямо посреди знаков, держа в латной перчатке разгорающийся амулет. Лучше просто не придумать! Между нами шагов пять, не больше. Я выпле-

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

ываю слово и прикрываю лицо правой рукой. Польша так, что даже это не спасает, — белая вспышка просачивается сквозь пальцы и веки, обжигает лицо. Медленно отвожу руку. На противоположной стороне площади остаток умертвий вяло атакует девчонку, изо всех сил машущую тяжелой для нее глефой. Вояка, скорчившись, лежит позади нее. Надо же, не сбежала... Вот теперь можно и прогуляться.

Под ногами скрипит пепел. Поворошив его носком сапога, с наслаждением пинаю бесполезный кусочек серебра — единственное, что осталось от паладина в столкновении стихий.

Дальше все просто. Так просто, что даже противно. Через пару минут арбалетчица, надежно обездвиженная, сидит у стены, полосую меня ненавидящим взглядом. Соплячка, не старше Ури. И волосы такие же светлые, будто в одной деревне родились. Сердце давит тупая боль...

— Говорить будете сразу или потом? — интересуюсь у обоих.

Упрямо поджатые губешки, вытаращенные голубые глаза наливаются прозрачным...

— У вас что, мужики закончились? — поворачиваюсь к церковнику.

Не так уж ему и плохо. Несколько неглубоких ран, укусы. Если сейчас полечить — жить будет. По крайней мере, пока свое слово не скажет госпожа Чума. Или у них и от нее защита есть? Точно, вот... Деревянные стрелки так и лучатся знакомым спектром. Нагляделся, пока Ури работал. Аккуратно режу кожаные тесемки, сжимаю их в ладони, позволяя деревяшкам покачаться в воздухе перед глазами парочки.

— Ну так что?

— Да плевать, — отзывается вояка. — Пока заболеем, ты нас сотню раз убьешь.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Неглупый. Смелый. Или очень жадный, если наемник. Сунуться в Колыбель Чумы, место, с которого началась эпидемия, — чего-то да стоит.

— Убью, — киваю я. — Но быстро и без боли, если скажете, кто вас навел. А если не скажете — позавидуете вот этим.

Киваю на умертвия, что вяло копошатся рядом. Если белобрысая что-то и знает, то разве случайно. В глазах у нее настоящая паника. Матерый волкодав только зубы сжимает, глядя мне в лицо.

— Решили попасть в рай как мученики? — ласково спрашиваю я. — Вынужден огорчить. Рая не будет. Вы убили моего ученика...

Сажусь прямо на покрытый остатками гниющей плоти камень, чтобы заглянуть — лицо к лицу — в глаза церковника.

— Не будет ни рая, ни покоя. Сейчас я подниму пару мертвяков, и они будут вытворять с твоей подружкой такое, что ты представить не можешь. Такому ни в одном борделе не учат, уверяю тебя. Потом еще двух-трех... И еще... А ты будешь смотреть. Долго смотреть... И слушать... Пропущу ее через всех, кто тут не развалился на кости. А когда устану от воплей и зрелища, позволю ей себя убить. Как ваш бог встречает самоубийц, тебе напомнить?

Чужая усмешка, холодная и мерзкая, сводит мне губы, пока говорю. Соплячка тихонько ахает, пытаясь вжаться в стену, продавить ее насквозь. И, кажется, даже вояку проняло. Давний шрам на переносице белеет, лицо начинает дергаться. Я продолжаю:

— Потом, если не поможет, эти добрые люди, при жизни столь преданные вашей церкви, займутся тобой. Им наплевать, что ты не девка. И все равно, кого рвать на куски. А когда сдохнешь, ты к ним присоединишься. Я постараюсь, чтобы душа задержалась в твоём теле. Бу-

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

дешь чувствовать каждую минуту разложения, каждого червя, жрущего твое мясо...

Немного рискую, конечно. То, что я обещаю сделать с белобрысой, невозможно чисто технически: умертвия могут разорвать человека заживо, но плотское желание — привилегия живой плоти. Оставить душу в мертвом теле не выйдет и подавно. Паладина напугать этим я бы не смог: проклятые ублюдки от союза магии с религией неплохо разбираются в теории. Ну, так паладина здесь и нет... А пачкаться я не хочу.

Будь церковный волкодав один, пришлось бы повозиться. Ненависти у него в глазах на троих. Злость пополам с беспомощностью — посмотреть приятно. И, похоже, не наемник. Тем на своих обычно плевать, а со мной он бы сразу попробовал договориться. Но когда соплячка начинает тихонько подвывать от ужаса, глядя на подползающего по моему жесту мертвяка, ее напарник ломается.

Он просит меня поклясться: сдавленный голос звучит глухо и покорно, взгляд волкодав прячет. Я клянусь. Клянусь не делать ничего из того, что обещал, и вообще не прибегать к магии. Конечно, имени он не знает. Скорее всего, имени не знал и погибший паладин. Но мельком увиденной приметы мне достаточно, чтобы сложить два и два. Не так уж много людей знало о нашей с Ури вылазке...

Я киваю почти с благодарностью. А потом, чтобы не заорать от боли и ненависти, сжимаю в ладони заговоренные стрелки, кроша сухое дерево в мелкие щепки. Затем развязываю девчонку, вручая ей арбалет. Второй кидаю вояке. И объясняю положение дел. Ухожу не оглядываясь, не опасаясь болта в спину... Я не смелый, просто у меня очень хороший щит и они его видели в деле...

Тело Ури лежит там, где я его оставил, магия, поднимающая мертвецов, моя магия, тщательно обошла

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

его стороной. Я сажусь рядом, запускаю окровавленные пальцы в длинные светлые волосы и замираю на несколько долгих ударов сердца.

— Ури... Мальчик мой... Прости... Я должен был запретить... Но я так боялся, что это тебя сломает... Он заплатит за твою смерть. Непременно заплатит... Клянусь...

Осторожно расстегиваю куртку, словно могу потревожить раненого, вытаскиваю из нагрудного кармана большой, слабо светящийся пузырек. Чума пришла достаточно давно, чтобы мы — те, кто знал, — успели принять меры для защиты. Ури пошел дальше. Он сотворил исцеление. Простые, как и все гениальное, чары. Выпусти их — и источник болезни обернется спасением. Нужно лишь попасть в место, где началась эпидемия. Покинутый город, чье название не произносим даже мы. Ури был гением. И он до сих пор жалел людей. Очень вредное сочетание для ученика некроманта. Но я не смог отказать, когда мальчик захотел испытать свое творение. Провести портал в Колыбель Чумы, город без единого живого человека, выйти, разбить пузырек, вернуться обратно... Что может быть проще и безопаснее? Я пошел с ним лишь ради того, чтобы разделить минуту его триумфа да помочь с порталом. Что мне за дело до людей и их Чумы?

Студеный ветер шевелит светлые пряди, несет по площади пепел... Стекло бутылочки холодит пальцы. Я хорош в своем деле, но таким, как Ури, мне не стать никогда. В девятнадцать он создал средство от чумы. Что бы он еще принес в этот мир? Мир, который его убил.

С другого конца площади слышится сухой щелчок. Да, самоубийцам путь в их рай заказан. А чума убивает медленно и мучительно. Эти двое пробыли в ее Колыбели

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

достаточно долго, чтобы пропитаться заразой насквозь. И дело только в выборе: кто из них поможет другому уйти быстро и без боли, оставив себе отвратительную смерть... Кто подарит товарищу желанную участь мученика, обрекая собственную душу на посмертную кару убийцы? Пожав плечами, я все же поднимаю голову. Мне любопытно... Серебристый огонек девчонки тускнеет, рассеиваясь. Интересно, пришлось ли ей умолять или спутник сам сделал выбор? На самом деле не так уж и интересно.

Поднимаюсь, все еще держа в застывших пальцах пузырьки. Портал колышется в двух шагах, приглашая... Ури так мечтал об этом... Мне нет дела до их жизни и смерти, их бога и их чумы. Они не заслужили ни прощения, ни пощады! Но он был моим учеником. И выполнить его желание — все, что я могу сделать. Месть — для меня. Но для Ури — это. И никто никогда не узнает, почему ушла Чума, верно? Резкий порыв ветра кружит пепел, приносит печальный звон колоколов мертвого собора... Ни их Свет, ни моя Тьма не могут решить за меня. Я разжимаю пальцы, и спустя мгновение тонкое стекло разлетается вдребезги на каменной мостовой Колыбели.

*Где-то на северо-западе Арморики, Звездные холмы;
кэрн Дома Боярышника
Полнолуние самониоса, 17-й год Совы в правление
короля Конуарна из Дома Дуба*

В темной комнате горит огонь. Трещит, рассыпаясь золотыми искрами, облизывает изнутри каменные стенки очага. Иногда тянется языком пламени наружу, и тогда сидящий перед очагом протягивает навстречу пальцы — огонь, словно испугавшись, отдергивается от них, прячась обратно в очаг.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТЬ

— Даже пламя боится холода в моей крови, — тихо говорит сидящий, отбросив назад длинные пряди распущенных седых волос.

— Огонь останавливают огнем, — негромко отвечают ему из темного угла. — И в тебе еще достаточно собственного пламени.

— Не лести, — усмехается тот, кто смотрит на огонь. — Я позвал тебя не для того, чтобы слушать утешения. Мое время уходит.

— Я слушаю, — отвечает темнота.

— Тем, кто стоит на пороге, видны обе стороны. Я смотрел назад, где остаются они, и вперед — куда уйду я. Мир колеблется. Мир на грани. В этот Самайн начнет то, чему лучше бы не случаться...

— Я слушаю, — снова откликается темнота, когда он замолкает.

— Трижды бросал я руны на прошлое, настоящее и грядущее. И трижды выпадали ворон, сломанная ветвь и колесо. Но голос рун молчит для меня.

— Так ли это? — спрашивает темнота.

— Это так. И не говори мне о том, чья ветвь сломана. Я не хочу слышать.

— Тогда мне придется молчать, — говорит темнота.

— Он мертв для сидхе. Ветвь отделена — ей не прирасти снова на то же место.

— Сломанные ветви, бывает, пускают корни, — шепчет темнота. — Но, став деревом, ветвь остается собой. Из дуба не вырастет яблоня, а из омелы — шиповник. И боярышник все равно будет...

— Замолчи, — роняет сидящий у очага.

— Молчу, — равнодушно соглашается темнота.

И снова только огонь что-то бормочет на языке треска и искр, пока сидящий возле него снова не размыкает

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

сухие губы на желто-сером, словно пергаментном, лице. Тот, кто увидел бы его сейчас, мог бы принять за человека, но у людей не бывает глаз, сияющих в темноте.

— Не так я хотел бы уйти. Не на ложе, больным и слабым, окруженным стервятниками и сухой листвой мертвых побегов. Мой дом — великий дом сидхе — гибнет.

— Ты велел мне молчать, и я молчу, — говорит темнота.

— Говори.

— Сломанная ветвь может пустить корни. И если на нее сядет ворон, колесо повернется вновь.

— Или нет?

— Или нет, — соглашается темнота. — Самайн грядет. В крови, тьме и кличе Дикой Охоты. Великий Самайн, открывающий врата вечности. Кто-то уйдет в эти врата, но кто-то может и явиться.

— Я сам сломал эту ветвь и иссушил ее. Никогда ей не пустить корни, — молвит сидящий у очага.

— Кто знает... Мир вращается в Колесе. Все еще крутится. И меняется с каждым поворотом. Сделанное тобой кто-то может и отменить.

— Так ли это? — спрашивает сидящий у очага.

— Это так, — отвечает темнота. — Но все имеет свою цену.

— Назови ее.

И темнота смеется сухим шелестящим смехом. Она смеется и смеется, а плечи сидящего у огня сгибаются все ниже, словно боль терзает его изнутри.

— Назови цену, — шепчет он наконец. — Назови ее...

— Брось руны еще раз, — шелестит темнота. — Без мыслей, без надежды на тот ответ, которого ты жаждешь.

Дотянувшись до сморщенного мешочка из светлой кожи, сидящий у очага встряхивает его в дрожащих ладонях и, не удержав, роняет. С тихим стуком кусочки